Демидова Алла

23.10.03

Алина ФРАНЦУЗОВА

ФОТО: ИОГАННЫ ВЕБЕР

УРОКИ ПРИНЦА

Веч. клуб. – 2003 – 23 окт. – с. 25

Впервые Алла Демидова выучила монологи Гамлета еще будучи студенткой. С тех пор тень Гамлета стала ее преследовать. В 64-м году она едва не сыграла эту роль в легендарном спектакле Охлопкова. Потом наделяла гамлетовской философией многих своих кино- и театральных персонажей. В начале 70-х появился знаменитый снимок Валерия Плотникова – фотозаявка на несыгранную роль: юношески-аскетичная фигура, белая рубашка, строгое каре волос. Уже почти расставшись с мечтою о Датском принце, Демидова играла Гертруду в легендарном спектакле «Таганки» и, говорят, частенько выручала на сцене Высоцкого, подсказывая ему гамлетовские реплики...

Новый виток «гамлетизма» начался несколько лет назад и, как утверждает Демидова, помимо ее воли. Сначала эту роль ей предложил американец Роберт Уилсон и немедленно получил отказ. Отвергнуть такое же предложение грека Теодороса Терзопулоса, с которым ее связывают годы сотрудничества, Демидова не смогла. И вот теперь 2 и 3 ноября на сцене васильевской «Школы драматического искусства», москвичи увидят спектакль «Гамлет-урок», который актриса уже третий сезон играет в афинском театре «Аттис» и на крупнейших мировых фестивалях.

Именитый режиссер, специалист по трагедиям, Терзопулос называет Демидову «представительницей исчезающей во всем мире породы больших актеров». Наверное, поэтому он и придал своему моноспектаклю форму мастер-класса: Демидова начинает читать шекспировские монологи, обучая мастерству двух молодых греческих артистов. Однако склонная по-своему интерпретировать любой классический сюжет, она смещает в пьесе все привычные акценты: главным для ее Гамлета становится не месть убийце отца, а сведение счетов с собственной совестью.

– Алла Сергеевна, кто инсценировал Шекспира – вы или Терзопулос?

– Я. Считаю, что в тексте всегда можно кое-что менять – Высоцкий, например, играя Гамлета, использовал разные переводы и даже сам что-то добавлял. Я же по много раз переписывала в тетрадь все монологи – не потому, что хотела их переиначить, а потому что искала для себя ритм, через который нерусскоязычный человек мог бы понять происходящее. Мне, правда, не хотелось начинать спектакль со встречи Гамлета с бродячими актерами, но на этом настоял Теодор. Может быть, он и прав. Потому что мы играем спектакль в разных странах и везде эта сцена переводится на местный язык и играется как обычный урок в театральном училище – то есть режиссеру было важно настроить людей на простое, привычное общение. И вдруг начинается такое... не могу сказать сумасшествие, но что-то странное, требующее совсем другого восприятия. И дальше зрителям уже ничего не переводят, но они и не должны понимать происходящее дословно, ведь дальше Гамлет беседует с Призраком. Для русского зрителя такого шокового перехода от понятного к непонятному не будет – ведь он поймет все слова. И в этом для меня самая большая сложность предстоящего спектакля...

Попробуем поспорить, что и для русских зрителей главным в этом необычном спектакле окажется не хрестоматийный текст, а жесты, интонации и та бесшабашная легкость, с которой Гамлет Демидовой хохочет, ругая себя за промедление в мести, танцует, размышляя о быстротечности жизни, и показывает язык – шекспировским персонажам, собственному возрасту и нам, зрителям. ■